

О КЛИТИНЕ Н. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КЛИТИН Николай Александрович. Получил высшее образование, преподавал в гимназии, позднее доцент и профессор университета в Екатеринославе. оживал в Смоленске, служил в городской управе. После тяжелой болезни и выздоровления служил священником в Новомосковске, Павлограде и Каменке Днепропетровской области. Не раз арестовывался, затем освобождался за отсутствием состава преступления. 1 марта 1928 — арестован и заключен в тюрьму.

В июне 1929 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Мария Викентьевна Клитина, мать священника.

<15 июня 1929>

«Председательнице Комитета помощи
политическим заключенным
Екатерине Павловне Пешковой

2 почтовые марки
прилагаются на ответ

73-летней старухи, матери священника
Николая Александровича Клитина
Марии Викентьевны Клитиной,
живущ<ей> в г<ороде> Смоленске
по Козловскому пер<еулке>,
в д<оме> Долбоносовой № 5/2.

Прошение

Осмеливаюсь надоедать Вам моим материнским страшным горем — об избавлении сына моего Николая, томящегося с 1 марта 1928 г<ода> в тюрьмах Днепропетровских и Украинских и приговариваемого ныне, как сказали его жене, Особым Совещанием к высылке, причем, дело его будет передано в Москву на рассмотрение. Может, Вы поможете и научите, как превратить это страшное горе в радость.

Сын мой Николай никогда не готовился к духовному званию: оставшись сиротой без отца одного года 3 мес<яцев>, он был выращен моими трудами, как прослужившей 25 лет 9 м<есяцев> сначала в Смоленской Губ<ернской> Управе, а затем и у Советской власти, для приобретения средств на воспитание детей.

Окончив курс в Историко-филологическом институте, он был сначала преподавателем в гимназии, а затем профессором и даже доцентом Университета в Днепропетровске. Однажды он был ранен 2-мя хулиганами злоумышленниками во время прогулки днем на Днепровских островах: одной пулей пробил навывлет левое легкое, а другой — раздробило руку.

Будучи после этого безнадежно болен, он, лежа еще на одре болезни, дал обет Богу принять священство, если останется жив. И вот он стал священником. Диаконы и попы, рассчитывая занять его место, не раз делали доносы на него властям. Сидел он в тюрьме и в Новомосковске, и в Павлограде, и оба раза суд его кончался тем, что постановляли — освободить по неимению состава преступления.

В декабре 1927 г<ода> он по примеру прежних лет отправился с предпраздничной молитвой по приходу; вдруг вновь избранный сельсовет его вызвал и сказал, что он ему это запрещает. Тогда Николай принес из церкви Раз<решение> НКВД от 11 ноября 1925 г<ода> за № 21807, где в §5 говорится, что разрешения ему на эту молитву, равно как на молебны и пр<очее>, совершаемые в домах верующих, не требуется, и указал им сверх того на ст<атью> 125 Уг<оловного> Код<екса>, помещ<енную> в

Цирк<уляре> НКВД от 4 марта 25 г<ода> за № 034, где препятствующие исполнению этих обрядов караются до 6 месяцев принудит<ельных> работ. Сельсовет после этого составил протокол, обвиняя сына в контрреволюции, как не исполнившего распоряжения властей.

Посудите сами: мог ли мой сын, человек развитой и понимающий законы, исполнить требование сельсовета? Дано ли последнему право отменять распоряжения НКВД? Нет, нет и нет! Я думаю так. Однако, вышло иначе.

В конце февраля по новому доносу у него был произведен строжайший обыск: искали оружия и переписки с границей; ничего, конечно, не нашли, причем, забрали не только его проповеди, но и все его литературные сочинения, писанные в советском звании. А 1-го марта 1928 г<ода> потребовали его в ГПУ и посадили в тюрьму, откуда выпускали его 3 раза на несколько дней ввиду тяжелой болезни сына, в бреду все призывавшего отца. С последнего свидания с сыном, отправился он прямо на Суд. Дело разбиралось в мае месяце в районе сельсовета; приговорили на 3 года тюремного заключения с строжайшей изоляцией.

И вот Николая отправили в Симферополь, где, продержав 2 недели в тюрьме, перевезли в таковую же в Харькове, откуда, наконец, ко времени разбора кассации, вернули в Днепропетровск, где решение это было кассировано и передано на рассмотрение в другой суд. И вот 2-й суд, более дальний, в конце августа месяца вместо 3 годов тюрьмы определил: один год тюремного заключения и с зачетом предварительного и без изоляции с возвратом его на приход. Тут "доброжелатели" его взвыли: они требовали уже назначения себя на его место, а вдруг он явился. Обратились к местной власти, хлопоча об его изгнании, та от этого уклонилась; тогда обратились к приходу, кого он желает. Избрали Николая. Тогда, не знаю уже, по их ли просьбе или просто случайно, ГПУ им помогло. Прожив в семье только неделю, он был вытребован ГПУ в Днепропетровск, где мог болтаться где угодно, жить, на что пожелает, с правом искать прихода только в этом уезде. Места там свободного не было. И вот, т<ак> к<ак> этим распоряжением ГПУ постановление 2-го суда кассировалось, то Николай подал кассацию, и вот дело его судом было передано в 3-й суд. Духовное начальство, видя, что положение его равносильно смерти от голоду и наступившего лютого холода, назначило его уже в декабре сверхштатным священником в Каменку Д<непропетровского> у<езда>. Конечно, Николай сразу в тамошнем священнике нажил лютого врага.

Уж не знаю, благодаря ли его стараниям, или само по себе, но дела сына, кас<сацции> и подлежащего передаче в 3-й суд ГПУ туда не передало, само его решает, обвиняя его не только по ст. 71 (за молитву, о чем изложено выше), но еще и по ст<атьям> 56-2 и 110-2.

По ст<атье> 56-2 его обвиняют в хранении нелегальной литературы, каковой считают забранные при обыске всевозможные распоряжения епископов относительно церкви и причтов, действовавшие и рассылавшиеся с разрешения властей. Если у нас, мирян, есть только одна гражданская власть, которой мы обязаны повиноваться, то у священников есть еще и духовная власть, в лице епископов, распоряжения коей они должны знать. И если эти распоряжения власть считает нелегальными, то отчего эта власть разрешала их рассылать и действовать?

Что касается обвинения по ст. 110-2, т<о> е<сть> обвинения в распространении какой-то нелепой "святой записки", то сам Николай никаких записок не писал и не распространял, и все обвинение, по-видимому, основано на следующем случае: "бабы вязовские приносили ему записку, где говорилось, что вдовы должны молиться, служить

молебен, панихиду, а иначе Бог накажет, что был слышен глас Николая Угодника где-то в Иерусалиме, призывающий к этому. Когда бабы принесли такую записку сыну, он вернул им обратно и сказал, что, по его мнению, это распространяет человек темный, потому что в учении Христа угроз никогда не бывает никаких, а в записке угрожалось, что, если вдовы не выполнят ее, то будут наказаны. Николай прочел ее и отдал им, причем, они остались еще недовольны, что он не смотрит на это так, как они.

Итак, сын мой Николай 1 год 4 мес<яцев> в тюрьме, т<ак> к<ак> пребывание с половины дек<абря> 28 г<ода> до половины марта 29 г<ода> без семьи в Каменке с запретом выезда — тоже тюрьма. Когда ГПУ после 2-го суда потребовало его к себе, то спаиваемые водкой попом и диаконом председатель и секр<етарь> церк<овного> правления изгнали семью с вещами даже из половины их помещения, и вот и жена, и двое учащихся детей голодают, ни одеть, ни обуть нечего. Когда этому будет конец, неизвестно. А потому еще раз прошу помочь скорейшему освобождению моего сына Николая из тюрьмы и предоставлению ему возможности поскорей начать, хотя сколько-нибудь зарабатывать для удовлетворения нужд семьи. Второй день я сама пишу Вам эту просьбу, встав с постели, где лежала больная воспалением почек.

Июня 15 дня 1929 года.

Мария Викентьевна Клитина.

P. S. Прилагаю копию заявл<ения> жены подсудимого, поданного в Харькове: по миновании в ней надобности, прошу ее вернуть, как и ответ по моей просьбе, по моему адресу»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Запр<осить> С<екретный> О<тдел> о приговоре. ЕП. 22/VI».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 260. С. 207-208. Автограф.